

СТРУКТУРА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ СИНОЛОГИИ

*Зулпукаров Капар Зулпукарович, – д.филол.н.,
проф. zulpukarov48@mail.ru*

ОшГУ, г. Ош. Кыргызская Республика

*Амиралиев Семетей Манасович - к.филол.н., доц.
sem.87.90@mail.ru*

ОшГУ, г. Ош. Кыргызская Республика

Аннотация: Предметом исследования являются продуктивно используемые в кыргызском дискурсе словосочетания китайского происхождения. Статья ставит своей целью рассмотреть некоторые синтагматические образования кыргызского языка, восходящие к китайскому языку. В ней используются методы сравнения, сопоставления, аналогии и обобщения. В исследовании доказано, что структурные компоненты ряда типовых конструкций кыргызского языка этимологически связаны с фактами ханью, что свидетельствует о лингвоэтногенетических связях ханзу с тюркскими народами.

Ключевые слова: китайский язык (ханью), ханзу, кыргызский язык, этимология, происхождение лексем, тюркские языки, сравнение, сопоставление, общие словосочетания, синтагматические образования, мотивация семантического строения словосочетаний.

КЫРГЫЗ ТИЛИНИН КӨП КОЛДОНУЛУУЧУ АЙРЫМ СӨЗ АЙКАШТАРЫНЫН СИНОЛОГИЯ КОНТЕКСТИНДЕГИ ТҮЗҮЛҮШҮ ЖАНА КЕЛИП ЧЫГЫШЫ

*Зулпукаров Капар Зулпукарович – филол.и.д.,
проф. zulpukarov48@mail.ru*

ОшМУ, Ош шаары, Кыргыз Республикасы

*Амиралиев Семетей Манасович – филол.и.к.,
доц. sem.87.90@mail.ru*

ОшМУ, Ош шаары, Кыргыз Республикасы

Аннотация: Кыргыз дискурсунда жемиштүү колдонулуучу кытай тектүү сөз айкаштары изилдөөнүн предмети болуп саналат. Макалa кыргыз тилиндеги кытай тилине тектеш айрым синтагматикалык түзүлүштөрдү карап чыгуу максатын коет. Мында тектештирүү, салыштыруу, аналогия жана жалпылоо ыкмалары колдонулат. Изилдөөдө кыргыз тилиндеги бир катар типтүү конструкциялардын түзүмдүк компоненттери ханью фактылары менен этимологиялык жактан байланышта экендигинин далилдениши, ханзунун түрк элдери менен лингвоэтногенетикалык алакада болгондугун күбөлөндүрөт.

Ключевые слова: кытай тили (ханью), ханзу, кыргыз тили, этимология, лексемалардын келип чыгышы, түрк тилдери, салыштыруу, жандаштыруу, жалпы сөз айкаштары, синтагматикалык түзүмдөр, сөз айкаштарынын семантикалык түзүлүшүнүн жүйөсү.

STRUCTURE AND ORIGIN OF SOME COMMON PHRASES OF THE KYRGYZ LANGUAGE IN THE CONTEXT OF SINOLOGY

*Zulpukarov Kapar Zulpukarovich – Doctor of
Philology, professor, zulpukarov48@mail.ru*

Osh State University, Osh city, Kyrgyz Republic

*Amiraliev Semetei Manasovich – Candidate of
Philology, associate professor*

sem.87.90@mail.ru

Osh State University, Osh city, Kyrgyz Republic

Annotation: The subject of the research is the Chinese origin combinations of words which are productively used in the Kyrgyz discourse. The article aims to consider some syntagmatic formations of the Kyrgyz language, dating back to the Chinese language. Here are used comparison, contrast, analogy and generalization methods. In the study was proved that the structural components of a number of typical constructions of the Kyrgyz language are etymologically related to the facts of the Hanyu, which indicates the linguo-ethnogenetic links of the Hanzu with the Turkic peoples.

Keywords: Chinese (Hanyu), Khanzu, Kyrgyz language, etymology, origin of lexemes, Turkic languages, comparison, contrast, common phrases, syntagmatic formations, motivation of the semantic structure of word combinations.

Введение. В кыргызском языке имеется немало словосочетаний, которые материально и семантически соотносятся с китайскими выражениями или реконструируемыми образованиями. Актуальность темы статьи состоит в том, что такие кыргызские словосочетания еще не стали предметом специального рассмотрения. Цель статьи – рассмотрение некоторых типичных синтагматических образований кыргызского языка, восходящие к китайскому языку. Приведем и прокомментируем отдельные примеры.

Материалы и методы исследования. В кыргызском фольклоре часто встречается номинант сказочного красноречивого мудреца *Жээренче чечен*, в котором первая часть является антропонимом, а вторая часть – названием в значении «красноречивый мудрец». На самом деле антропоним и номинант носителя красноречия этимологически идентичны и представляют собой специфичный плеоназм. В китайском языке есть слова *zhé* «мудрый, мудрость» и *zhérén* «мудрец, мыслитель». Последнее в древнекитайском языке произносилось в виде *жерен*, а в современном – в виде *жежен*, потому что древнекитайское *p* в процессе развития языка превратилось в современное *ж*.

Второй слог в слове *Жээрен* можно связать с современным китайским словом *rén* [жень].

Трансформация древнего звука *p* в звук *ж* встречается и в других китайско-кыргызских общих словах:

1) кырг. *ыраң* «хороший, здоровый, цвет (лица), краска, зеленая трава, разноцветье» и кит. *róng/rǒng* «тонкий, нежный (о растительности), мягкий, пушистый; полевой цветок, краса, пышный (о растительности)»;

2) кырг. *араа* «пила», *орок* «серп» - кит. *ruì* «острый, отточенный, острое, оружие (вообще), секира, алебарда»;

3) кырг. *жүн* «шерсть, волосы (на голове человека), перо птицы» - кит. *róng* «мягкая шерсть, пух на теле животного (птицы), мягкая ткань с начесом или волосом»;

4) кырг. *жан* «душа, человек, любимый человек» - кит. *rén* «человеколюбие, гуманность, человечность; гуманист, филантроп; человечный, добродетельный» и др.

На этом основании считаем, что кыргызские слова *жээренче* и *чечен* идентичны по происхождению и представляют собой повтор слов, отражающих два этапа в развитии ханью: первое слово сохранило древнейший фонетический облик слова, а второе – трансформацию, возникшую после преобразования звука *p* в звук *ж* [2].

Что касается форманта *-че* «как, словно, как будто», то его можно сравнить с китайскими: 1) *zhé* «равняться, соответствовать, по цене, по паритету (курсу), сообразно, соразмерно, соответственно»; 2) *rú* [жу] «походить на, быть похожим на, быть схожим с, уподобляться; быть таким же, как; соответствовать, отвечать, сообразовываться с; равняться, равно; похоже, кажется, как будто, будто, словно, наподобие; подобно тому как; соответственно, согласно, по, или, либо»; 3) *ruò* [жуо] «быть схожим с, уподобляться, похоже, как будто, кажется, пожалуй, приблизительно, примерно, наподобие; подобно тому как; как если бы, будто, или, либо, или-или, либо-либо» (китайский язык позволяет

связать происхождение названных кыргызских суффиксов с происхождением разделительного союза *же* «или, либо»); 4) *chā/chà* «сравнительно, более или менее, довольно, относительно, в некоторой мере, до известной степени, в общем, примерно, как будто, может быть, почти, чуть не, вот-вот» [2].

В кыргызской рыночной рекламе часто встречается словосочетание *ыңгайлуу жана оңтойлуу баалар* «удобные и приемлемые цены». Корень *ың-* «удобный, гибкий, подходящий» соответствует китайскому слогу *hēng/héng* «поклоняться, угождать», корень *оң-* «правильный, приемлемый, удобный» – китайскому *hǒng* «присматривать, ухаживать (за больным), заниматься (с детьми), тешить; восхищать, очаровывать, обольщать, умилять, приводить в восторг». Выпадение начального *h-* произошло в связи с тем, что кыргыз не может артикулировать соответствующий звук в заимствованных словах. Ср. арабские слова: *Хасан – Асан* (антропоним), *харам – арам* «нечистый, запрещенный» и т.д. Союз *жана* «и», вероятно, этимологически связано с китайским слогом *yán* «прилегать к, примыкать к, граничить вплотную с, продолжать традицию, блюсти, сохранить в силе, следовать за; вдоль, по, согласно, в соответствии с, в зависимости от; берег, край воды; идти (вниз) по течению, идти вдоль/по краю»; ср. также *yánlù* «по дороге, по пути, вдоль дороги, всю дорогу, придорожный».

В словах-определениях важную функцию выполняет суффикс *-луу*, вносящий в содержание слова значение обладания. Этот суффикс очень напоминает китайский слог *lì* «подчиняться, зависимый, подчиненный». Что касается суффиксов *-той* и *-гай*, находящихся между корневыми морфемами и адъективным суффиксом *-луу*, то они этимологически соотносятся с китайскими слогами: *diào/tiáo* «подходить, быть соответствующим, гармонировать» и *gāi* (модальное слово) «быть должным, надлежать, быть необходимым (нужным), необходимо, нужно, должно, следует, должно быть, по-видимому, возможно, вероятно, наверное, надо полагать, не иначе как; заслуживать, стоить, требовать, быть достойным, годиться, соответствовать; заслуживающий, достойный, подлежащий, соответствующий». Хотя в словарях китайского языка мы не находим подобных слов, с большей долей вероятности мы можем утверждать о семантической мотивированности полиморфных слов кыргызского языка приведенными выше китайскими слогами.

Кыргызское слово *баа* «цена, оценка», конечно, очень напоминает китайский многозначный слог *bǎo* «драгоценность, драгоценный камень, самоцвет, алмаз, бриллиант; драгоценный, украшенный самоцветами, алмазный; сокровище, богатство, ценность, роскошь, диво; богатый, ценный, роскошный, дивный, чудесный; монета, деньги, регалия; драгоценный, дорогой, бесценный, редчайший, редкий, редкостный, чудесный, наилучший, великолепный, прекрасный, роскошный, благородный; высоко ценить, уважать, придавать, большое значение, считать драгоценностью, беречь, чтить, преклоняться». Видим, что на кыргызской почве рассматриваемое слово получило узкое, более специализированное значение.

В рекламном дискурсе часто встречаются вывески под названиями: *дүң жана чекене соода* «оптовая и розничная торговля», *майда манты* «мелкие манты», *унаа жуучу жай* «автомойка» и др., которые легко мотивируются китайскими слогами. Почти все корни первого словосочетания непосредственно соотносятся с соответствующими слогами в ханью: *dùn* «складывать в амбары, скупать; придерживать (товар), запастись», *dǔn* «скупка, скупать, оптовая покупка, покупать оптом (партиями)», *dùn/dūn* «тонна» (ср. франц. *tonne* «тонна») + *yán* «идти (вниз) по течению, идти вдоль/по краю; прилегать к, примыкать к, граничить вплотную с, продолжать традицию, блюсти, сохранить в силе, следовать за; вдоль, по, согласно, в соответствии с, в зависимости от; берег, край воды» (кырг. *жан-* в словах: *жана* «и, также, недавно, только что, рядом с, с», *жанда-/жандоо* «быть около, быть/находиться рядом в походе, поездке, путешествии и т.д.», *жандап жүрүү* «идти сопровождая, идти рядом с», *аялын жандап* «сопровождая жену», *чоң жолго жандап*

жүрүү «ездить вдоль большой дороги/шоссе», *жээк жандан/бойлоп баруу* «идти по берегу/вдоль берега») + *jiè* «граница, рубеж, межа, край; пограничный; пределы, рамки, границы; сфера, круг; граничить, ограничивать, разделять, отделяться»; *zhōng* «конец, окончание, крайняя точка, оконечность, конечный; последний, наследок, в конце концов; весь до конца; закончиться, прийти к концу» (ср. *чек* «предел, граница, рубеж, межа, участок», *чек коюу* и *чекте-/чектөө* «ограничивать, ставить предел, определить зону действия, ограничение», *чек ара* «(государственная) граница», *чек эмес* «не предел, не конец, не окончание», *чегине жетти* «дошел до крайней точки, до финала», *өмүрдүн чеги* «конец жизни», *чектүү* «ограниченный, предельный, конечный» *чектеш* «пограничный, смежный; имеющий общую границу», *чекебел/жакабел* «около, вокруг, периферия, окружение, пограничная зона») + *suǒ* «излишек, остаток, с лишним», *dé* «получать, добывать, обретать», *suǒdé* «доход» (ср. кырг. *соода* «торговля, купля-продажа»). Слог *suǒ* мы находим и в слове *lèsuǒ* «вымогать, шантажировать», первая часть которого (*lè*) обозначает «принуждать, вымогать, силой требовать». Китайское сложное слово *lèsuǒ* соответствует кыргызскому *аласа* «то, что причитается с кого-нибудь; то, что положено взять; ангел смерти» с протетическим гласным.

Словосочетание *майда манты* «мелкие манты» этимологически связано со слогами: *mǎo* «маленький, мелкий, мельчайший, ничтожный, тонкий, нежный, тончайший» + *dā* «пачка, связка, стопка, ряд, полоса, прядь» + *mántou* «хлебец, приготовленный на пару, пампушка, паровые пирожки». Здесь слоги *mēn* «томить, тушить (в посуде на медленном огне)» / *mèn* «закрывать наглухо, плотно закрытый» / *mèn/mēn* «томить, тушить (на огне), томлённый, тушённый; отпаривать, отмачивать; душный, спертый, душно» и *tóu* (словообразовательный суффикс, обозначающий предметы округлой формы), сочетаясь между собой, образовали название известного у нас блюда в качестве главного слова в определительном словосочетании.

Что касается словосочетания *унаа жуучу жай* «автомойка», то его составляющие тоже имеют этимологически идентичные эквиваленты в китайском языке.

В кыргызском языке есть слово *улоо/ылоо/унаа* «рабочий скот, тягло, тяговая сила; верховая лошадь; транспорт». Оно находит соответствия в других тюркских языках: *улаг* в тур., туркм., уйг., сарыг-югур., сагай., тувин., шор., койб., качин. яз., *улау* в каз., кара-калп., *улаа* в лебедин., *улав* в узб., *лав* в казах., кара-калп., чуваш., *улак* в азерб. (*улак арба* «телега»), в тат. диал., лобнор., куманд., чаг., тур. диал., *олаг* в сарыг-югур., *олак* в узб. диал., *ылав* в башк., *ула* в алт., *унаа* в телеут., алт., *унага* в куман. языках [4]. Здесь видно, что в тюркских названиях вьючного животного произошло чередование л/н. Наиболее распространенным является вариант со звуком л. Нет оснований считать, что конечный согласный в этих примерах является суффиксом. Видно, что они допускают возведение к общему пракорню, рефлексией которого, на наш взгляд, выступают китайские наименования вьючных животных. По нашему предположению, тюркский формант *улоо/улак/лав/лук* соотносится с китайскими слогами *liú* «мул», *liú* «белая лошадь с черной гривой», *liútiú* «(двугорбый) верблюд, верблюды (вьючный верблюд)». Кыргызское *лөк* «одногорбый верблюд-самец» очень напоминает эти китайские слова. Конечный согласный (-в, -к, -г) не является суффиксом, а рефлексией второй части дифтонга *yo*. Мы как раз сравниваем кыргызское *улоо/ылоо/унаа* «рабочий скот, тягло, верховая лошадь» с китайскими слогами *liú* «маршрут, экипаж, колесница», *liú* «мул», *lǜ* «осел»; *liútiú* «двугорбый верблюд». Таким образом, первый компонент рекламного словосочетания является одним из вариантов номинантов вьючных транспортных средств, общих для сино-алтайских семей [3].

Второй компонент рассматриваемого словосочетания имеет корень *жуу-* «мыть, смывать, стирать (белье), обмывать (труп), омовение» (ср. *жуун-/жуунуу* «умываться, купаться, очищаться», *жуундур-/жуундуруу* «заставить купаться, позволить умываться, заставить принять ванну»; азерб. *йу-* «мыть», халадж. *йуу-* «мыть») и сравнивается с

китайскими слогами: 1) *yì* «совершать омовение, купаться, очищаться в; мыть, обмывать, купать, содержать в чистоте; купание, ванны»; 2) *yí* «мыло»; 3) *zhúo* «мыть, полоскать, омываться, промываться; смывать позор, обелять себя (от позора), пить». К этому корню присоединяется суффикс *-чу/-чуу, -чү/чүү// -чы, -чи, -чу, -чү*, являющийся признаком глаголов длительного прошедшего времени. Ср., например: 1) *ойноо* «играть, игра» – *ойноочу* «(постоянно) играл», *ойночуу/ойночу* «играл (постоянно)» от *ойно-* «играй, играть»; 2) *билүү* «знать, знание» – *билүүчү* «знал (всегда)», *билчүү/билчү/билчи* «знал (всегда)» от *бил-* «знай, знать»; 3) *айтуу* «говорить, рассказывать» – *айтуучу* «(постоянно) говорил, рассказывал», *айтччуу/айтччу/айтчы* «(постоянно) говорил, рассказывал» от *айт-* «говори, говорить; расскажи, рассказать» и т.д., что очень напоминает китайский суффикс *-zhù/-zhu*, участвующий в передаче постоянного и длительного действия в прошедшем времени (в гуанчжоуском диалекте) и подчеркивающий переход действия в устойчивое результативное состояние (со значением «накрепко, намертво, прочно»). Кыргызский признак действия и материально, и семантически близок к гуанчжоускому суффиксу.

Третьим компонентом словосочетания является лексема *жай* «место, дом, жилище, жильё, квартира; место работы, заведение, предприятие, место жительства; могила, кладбище», которая идентична с китайским варьируемым слогом *zhái/zhè* «жилище, квартира, резиденция, усадьба; могила, кладбище; участок земли, земельная площадь; жить в (доме, квартире), обосноваться (обитать, поселиться) в; занимать место; основать, заложить». В составе словосочетания эти этимологически идентичные лексические единицы употреблены в узком и конкретном значении.

Кыргызское словосочетание *опоң чычаң* обозначает детскую забаву: жердь, положенная поперек бревна, на концы которой садятся дети и качаются вверх-вниз. Его строение объясняется по-китайски: *pián* «парный, двойной, парой, вместе» и *chíchěng* «мчаться верхом на коне, скакать во весь опор».

Как видим, в работе использованы приемы и процедуры методов сравнения, сопоставления и аналогии.

Выводы и обсуждения. Приведенный и проанализированный выше фактический материал позволяет сделать некоторые выводы общего характера.

1. Предки древних тюркских народов, в том числе – кыргызов, и современных ханзу имели тесные этногенетические или культурно-экономические связи.

2. Лингвоэтногенетические связи алтайских и синотибетских этносов подтверждаются многочисленными неопровержимыми фактами в рамках ностратики. В этих языках обнаружено свыше 1,5 тысячи корневых и аффиксальных морфем, подтверждающих этимологическую идентичность огромного числа первичных лексем (термины родства, номинанты частей тела, названия предметов быта и т.д.).

3. А общие слова в кыргызском языке и ханью, связанные с сервисом, кулинарией, торговлей, этикетом и т.д., по-видимому, возникли в результате культурных контактов соответствующих этносов.

4. Китайский язык, имеющий длительную историю, обслуживающий коммуникацию древнего макроэтноса и отражающий опыт и знания не только китайцев, но и многих других народов, оказывал большое влияние на развитие и обогащение словарного запаса соседних этносов.

5. Считаем, что некоторые из приведенных выше кыргызских слов носят характер заимствований, а другие возводимы к ностратическому праязыку.

Заключение. В процессе исследования нами осуществлено следующее: 1) рассмотрены общие корни кыргызского и китайского языков с точки зрения происхождения и отдаленного генетического родства их носителей; 2) продемонстрировано положение о том, что отдельные общие слова в сравниваемых языках возникли в результате культурно-экономических контактов соответствующих этносов; 3) установлены закономерности фонетических видоизменений однокорневых слов в ханью и

кыргызском языке; 4) доказано, что кыргызско-китайские слова и словосочетания, имеющие общую этимологическую структуру, не являются исключительными и специально подобранными образованиями, а обнаруживают много аналогов в языках Евразии [1].

Литература

1. Зулпукаров К.З. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и кыргызов по данным языка // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. - №2. – С. 16-25. (Совм. с А.А. Зулпукаровой).
2. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 768 с.
3. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Проте́за в кыргызско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
4. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Л». – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – 318 с.